

КОГДА СМЕЮТСЯ ДАЖЕ ЛОШАДИ

Без. к.м.д. - 1998 - 2 акт. - с. 5.

Когда как не сегодня вспомнить о театральных байках и курьезах. Мы попросили сделать это исполнительного директора Большого театра Владимира Михайловича Коконина. Впервые он пришел в театр более тридцати лет назад — еще в оркестр, после окончания Московской консерватории. Так что и насмотрелся, и наслушался.

— В свое время шел у нас спектакль “Кармен” на русском языке. А с гастролей прилетели блестящие наши исполнители — Образцова, Мазурок, Атлантов, которые вдруг сказали, что в голове у них — только французский текст. “Мы хотим по-французски петь!” Но тогда на этот счет очень строго было. И они отправились к министру культуры Демичеву, а он возьми да и разреши выступить в этом спектакле пяти гастролерам на французском языке. Остальные пели по-русски. И все бы ничего, такие случаи бывают. Но в одном из эпизодов, когда к Цуниге обращаются на французском языке, он без тени сомнения отвечает: “Тебя я понял”. Весь зал, конечно, лег... А еще через некоторое время Кармен по ходу действия поет “амор”, ей железно отвечает “любовь”, она опять — “амор”, ей опять — “любовь”. Эта переключка тоже вызвала оживленную реакцию. Спектакль имел очень большой успех.

— А оговорки?

— Ну, оговорок бывало тоже много. Вот, например, в “Евгении Онегине”. Онегин встречается с Гремминым: “Да кто ж она?” — “Жена моя”. — “Так ты женат? Не знал я ране. Давно ли?” — “Около двух лет” и т.д. И вот Греммин, неизвестно почему, спел в ответ на “Да кто ж она?” — “Сестра моя!” Онегин железно отвечает: “Так ты сестрат? Не знал я ране. На ком?” — “На Лариной Татьяне”. Это словцо — “сестрат” — долго потом ходило по всем нашим закоулкам и сценам. Или в “Иоланте”, в сцене, когда Иоланту просят дать красную розу, один артист упорно пел: “Я красного просил”. В преддверие праздников и юбилейных дат эти слова — “я красного просил” — вызывали большое оживление в зале.

— А в балете что-нибудь забавное происходит?

— Знаменитая история была на спектакле “Золотой век”. Комсо-

молец Борис, которого преследуют бандиты, убегает, его настигают и запутывают в сети, а главный бандит Яшка наносит ему удар, после которого Борис должен терять сознание. Яшку танцевал тогда Гедиминас Таранда, а Бориса — Юрий Васюченко. Надо сказать, Таранда всегда отличался темпераментом, от него народ во время спектакля разбегался, особенно если по ходу действия у него в руках какой-нибудь кинжал или меч! И вот здесь, увлекшись, он так двинул бедного Бориса по шее — а в это время как раз в музыку наступила пауза, — что Борис во весь голос как закричит... Ну что-то, что в таком случае может кричать молодой человек! Да-да, типа “Борис, ты не прав”. Это было отчетливо слышно в зале, так что молчаливый балет был разбавлен такой репликой.

— Помните, не так давно Большой театр славился тем, что в спектаклях участвовали разные животные. Наверняка с ними тоже что-нибудь приключалось.

— Знаете, одно время были модные лошади. У нас они участвовали в спектаклях “Иван Сусанин” и “Борис Годунов”, а в “Дон Кихоте” даже лошадь и ослик. В “Хованшине” Голицына в ссылку везла лошадь (на телеге, конечно). Это были лошади заслуженные, цирковые. У них всегда очень четкий хронометраж: лошадь точно знает, что ей нужно постоять, скажем, 20 секунд, а потом, без лишних понуканий, начинать двигаться. И вот однажды в “Хованшине” что-то не заладилось у наших рабочих сцены. Лошадь стоит, ей уже пора двигать телегу с Голицынным, а декорации не успели повесить. Лошадь начала волноваться. И только когда декорации — она как заржет во весь голос! Я говорю нашей постановочной части: ну вот, над нами даже лошади ржут!

Пытала занятого человека
Наталья ВИКТОРОВА.